

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Д. Г. Полонского

"Почитание римского папы Льва I Великого

в южно- и восточнославянской традиции XII–XVII вв.",

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)

Работа Д. Г. Полонского представляет собой обширное кропотливое исследование в области, где плотно переплетаются славянская, греческая и латинская письменные традиции. Кроме того, агиология сложна еще и тем, что требует систематического внимания не только к собственно агиографии, но и к таким специфическим и очень разветвленным жанрам церковной письменности, как богослужебная литература, календарно-месяцесловные пособия и проч. Профессионально охватить весь этот комплекс в его исторической изменчивости и на протяжении многовекового периода под силу отнюдь не всякому.

Можно с удовлетворением констатировать, что диссертант успешно справился с этими трудностями, и картина церковного почитания римского святителя V в. папы Льва Великого у южных и восточных славян представлена полно, во всех своих аспектах, глубоко и, по-видимому, исчерпывающе. Не подлежит сомнению, что благодаря исследованию Д. Г. Полонского состояние историографии по этому вопросу принципиально изменилось, достигнув нового качества.

Несмотря на неординарный объем (более 450 страниц) диссертация обладает ясной и сбалансированной структурой, в которой удобно ориентироваться читателю. Помимо введения, заключения, списка литературы и двух приложений, это шесть глав, примерно равных по объему, ни одна из которых не вызывает сомнений в правомерности своего присутствия. Такая композиционная стройность свидетельствует о мастерстве исследователя, его уверенном владении материалом. Изложение движется строго поступательно, логично, давая читателю возможность свободно следовать за ходом авторской мысли.

По объему исследование распадается на две примерно равные части. В первых трех главах на тысячелетнем хронологическом пространстве рассмотрены исторические обстоятельства деятельности папы Льва Великого, свидетельства его церковного почитания в Византии, детально разобраны богослужебные (гимнографические, минейные), житийные и

внеагиографические тексты, посвященные ему в южно- и восточнославянской традициях, выявлена их историческая преемственность или, напротив, ее разрывы.

Собственно, эта половина работы и могла бы составить отдельную «среднестатистическую» диссертацию, если бы не один незаслуженно малоизвестный памятник – славянский перевод послания папы Льва к константинопольскому патриарху Флавиану, так называемый *Tomus Leonis*, который был выполнен в середине XII в. в киевском Печерском монастыре. Он заслуживает отдельного изыскания, которому и посвящены три заключительных главы (гл. IV–VI), образующие, таким образом, тесное тематическое единство. По нашему впечатлению, именно эта часть диссертации составляет ее содержательный центр.

- Безусловным достижением исследования здесь служит осуществленный в нем археографический прорыв: если в течение более, чем полутора столетий, со времени публикации О. Бодянским, памятник был известен по единственной рукописи, то теперь – в основном благодаря целенаправленным разысканиям диссертанта – в поле зрения науки имеется уже более 40 (!) списков, и перечень их, вероятно, будет пополняться. Это не только указывает на определенную популярность догматического по сути текста как гомилетического чтения в монастырской среде, но и, главное, создает надежную текстологическую базу для его будущего критического издания.

Другое принципиально важное наблюдение диссертанта было сделано самым естественным образом, ибо вытекало из обращения к минейной стороне дела в начальных главах своей работы. Ведь главной загадкой славянского перевода *Tomus Leonis* всегда оставались причины, побудившие печерского князя-инока Николу-Святошу заказать перевод давнишнего христологического трактата против монофизитов, казалось бы, совершенно не актуального для Руси XII столетия. Разгадка оказалась предельно проста: память св. Льва Великого приходится на 18 февраля, тогда как Никола-Святоша был пострижен накануне, 17 февраля. Остается удивляться, как наука до сих пор не замечала этого лежащего, по сути, на поверхности обстоятельства (что, понятно, не уменьшает заслуги первооткрывателя). Таким образом, дело не в содержании *Tomus Leonis*, а в персоне его автора. Соседство в литургическом календаре – само по себе достаточно сильный

аргумент, так что, думаем, диссертант без нужды так педалирует психологическое впечатление, которое могла произвести на новоиспеченного монаха служба св. Льву, услышанная им в монастыре на следующий день после пострижения. Так, в известном *codex Gertrudianus* середины XI в. – латинском молитвеннике польки Гертруды, супруги киевского князя Изяслава Ярославича, часто молитвенно поминается св. Кириак Иерусалимский; причина близости этого святого богоомольной княгине – чисто календарная: память св. Кириака (16 марта) отмечается накануне дня св. Гертруды (17 марта). Заметим, что в ряде месяцесловов, учтенных в компендиуме архиеп. Сергия (Спасского), на 18 февраля падает память не только св. Льва Великого, но и св. исповедника Флавиана Константинопольского, адресата *Tomus Leonis*.

Итак, существовавшие до сих пор в науке гипотезы о происхождении славянского перевода послания папы Льва к патриарху Флавиану (в связи с православно-латинскими отношениями XII в. и т. п.) теперь можно смело отложить *ad acta*. Не без сожаления делаем это и с нашей гипотезой, пытавшейся выявить мотив для возможного интереса Николы-Святоши и черниговских князей в целом к антимонофизитской полемической литературе.

Вместе с тем, календарный ключ не универсален, и загадок вокруг славянского перевода *Tomus Leonis* больше, чем только вопрос о причинах интереса заказчика перевода к персоне папы Льва. И здесь нам придется вступить в полемику с диссертантом.

Довольно много усилий автор употребляет для обоснования датировки начала работы переводчика Феодосия над своим трудом, исходя при этом из двух предпосылок: что Феодосий, призывая «моего патриарха молитвы» и «сыропустного кондака разум», во-первых, имеет в виду папу Льва как римского «патриарха», а во-вторых, указывает на календарное совпадение памяти св. Льва Великого с сыропустной неделей. В результате и получается принципиально важная для рассуждений диссертанта дата 18 февраля 1151 г. Однако обе предпосылки суть не что иное, как произвольные допущения.

Выражение Феодосия «моего патриарха» послужило в историографии основанием для устойчивого мнения, что переводчик был греком. Диссертант оспаривает его, допуская, что Феодосий мог быть и славянином-выучеником цареградского Орфанотрофия – училища для сирот, в том числе

и иностранцев. Вводимые автором в дискуссию материалы, безусловно, представляют немалый интерес, но они никак не могут подкрепить отождествление «моего патриарха» с папой Львом. Такая фамильярная характеристика святого была бы странной, и употребление титула «патриарх» применительно к папе Льву в некоторых славянских гимнографических текстах не спасает дела. Она вдвое неуместна при обращении к заказчику, который ведь и привлек внимание переводчика к самому Льву и его сочинению: тем самым Феодосий как бы «отбирает» Льва у Николы-Святоши. Мысль диссертанта представляется нам поэтому не только произвольной, но и маловероятной.

Но даже приняв ее, почему мы обязаны придавать обращению к «патриарху» Льву характер датирующего указания? Разве молитвенное обращение к святому уместно только в день его памяти? Разве апелляция к «разуму», о котором говорится в соответствующем месте сыропустного кондака, возможна только в сыропустную неделю? Куда естественнее было бы думать, что мы имеем дело со следствием литургической эрудированности переводчика — да, возможно, спровоцированной календарной близостью памяти св. Льва Великого и начала Великого поста в рамках пасхального цикла.

Таким образом, вопрос о времени славянского перевода *Tomus Leonis*, на наш взгляд, по-прежнему остается открытым. Ясно лишь, что работа была начата при жизни Николы-Святоши: об этом недвусмысленно говорит *praesens* «понужаешি наше неключимство начати» и надежда переводчика на помочь заказчика («призываю... ваше боголюбие на помощь»).

Другая *crux interpretum* — это характеристика сочинения Льва Великого как «дела иже от Рима твоя (т. е. Николы-Святоши) веры ради к нам прииде». Диссертант ограничивается констатацией, что фразу можно понять в смысле указания на место как написания самого послания к Флавиану, так и конкретной рукописи, которая оказалась в руках переводчика, и далее эту тему не обсуждает. Нам кажется, напрасно.

Нельзя сказать, чтобы первое из указанных прочтений было бы естественным. Ведь оно значило бы примерно следующее: созданное в Риме, послание папы Льва распространилось по всему свету и теперь благодаря Николе-Святоше дошло и до Руси в виде славянского перевода (потому что в греческом варианте оно было доступно ей и прежде). Но посвящение явно

написано до начала перевода, а не после него; перевода еще нет, и автор сомневается в своих силах исполнить его. Предпочтительнее, по нашему рассуждению, второе прочтение: оно и логичней, и богаче герменевтическими возможностями, побуждая внимательнее присмотреться к отношениям Рима и Руси в правление Всеволода Ольговича и Изяслава Мстиславича (начального периода). Данные на этот счет имеются, и они не сводятся к политическим связям Изяслава с Венгрией, о чем постоянно говорится. 30-е годы XII в. – период раскола на папском престоле, который занимали одновременно Иннокентий II и Анаклет II, что радикально повлияло на политическую ситуацию в Центральной Европе, вызвав, например, даже временное восстановление Магдебургской миссийной митрополии для славян при Норберте Ксантенском. 40-е годы, конец понтификата Иннокентия II и правление Евгения III, характеризуются особым вниманием Рима к славянскому Востоку в связи со Вторым крестовым походом. Таким образом, Феодосий игуменил в весьма сложное и даже смутное для русского православия время.

Не можем последовать за диссертантом в его стремлении отделить пещерского игумена Феодосия, автора посланий к князю Изяславу и, вероятно, «Слова на обновление Десятинной церкви», от пещерянина Феодосия, переводившего *Tomus Leonis* – слишком трудно закрыть глаза на полное совпадение времени, места, имени и рода деятельности. Происходя, очевидно, из княжеского клира Николы-Святоши и последовав за ним в монастырь, быть может, в качестве келейника (Феодосий настойчиво называет себя «рабом» князя-инока, а последнего своим «господином», в отношении которого он боится «злого преслушания»), Феодосий именно благодаря близости к авторитетной фигуре Николы-Святоши поднялся до игуменства.

Можно указать и на ряд частных ограждений, неизбежных в столь сложной и пространной работе. В 1142 г. Святоша мирит не Ольговичей и Мономаших (с. 209), а киевского князя Всеволода Ольговича с его братьями ввиду лояльности первого к Мстиславичам и Вячеславу Владимировичу. В публикации древнерусского текста в приложении изредка встречаются неправильные словоделения: «не таки не^х веща^х» (надо: «не тако инех вещах»), «отних же есть» (надо: «от них же есть») и др.

В целом же перед нами оригинальное, новаторское, кропотливое исследование, которое творчески суммирует данные об исторических, лингвистических, историографических предыстории и контексте до сих пор практически не изученного памятника древнерусской книжности и выводит наши исторические и археографические знания о нем на принципиально новый уровень.

Все формальные требования, предъявляемые к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в работе Д. Г. Полонского выдержаны. Автореферат полно и верно отражает содержание диссертации. Основные результаты работы в должной мере представлены в публикациях автора и его докладах на научных форумах. Д. Г. Полонский, вне сомнений, заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук.

Главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
доктор исторических наук

19 мая 2019 г.

А. В. Назаренко

Назаренко Александр Васильевич
117485 Москва, ул. Бутлерова, д.6, кв. 255
тел. 909 958 3061
avnazarenko-hist@yandex.ru

Назаренко А.В.

Назаренко А.В.